

ТОЛЬКО вечные стихи? Только великие поэты? Нет, иная книжка стоит на полке ради единственного стихотворения — а то и четверостишия. И, бывает, ничего при этом не знаешь о поэте, больше нигде не встречаешь его стихов. Бывает, бывает. Вдруг среди знакомых прочтешь стихотворение — «послушай, это гениально, чьи это стихи, почему я не вспомнил?» — скажет знакомый. «А вот ничья», — ответишь. — Слышал ты такого-то поэта? Наверняка ведь не слышал... Называешь совсем простое, безвестное имя.

Недавно, перебирая книжки на том прилавке, который в моем магазине никто не решается называть букинистическим, а называют «бу. у.», — «книжки, бывшие в употреблении», я увидела тоненький сборничек стихов, выпущенный в 1984 году Кемеровским книжным издательством. «Праземля», так он назывался. Автор — Любовь Никонова. Этот сборничек я унесла с собой. Потому что помню, как года два, а может быть, три назад, мне не хотелось расставаться с одним из номеров «Нового мира» (а был он чужой) из-за чего-то (трудно вспомнить сейчас) — и из-за одного стихотворения Любови Никоновой, чья подборка была там напечатана. Вдруг это стихотворение есть в книжечке? Да и вообще интересно, что же там есть еще, что пишет человек, чье имя я помню несколько лет из-за одного стихотворения.

В Самарской степи, что сливается далеко со степью Саратовской, — много печали.

Наверное... Я росла в лесном краю, цветущем, зеленом. И всегда мне казалось: там это люди живут в степи? Почему ее любят? Там же леса нет! Я перелистывала книжку и с удивлением обнаруживала, что Любовь Никонова услышала мой вопрос. Перелистнула я несколько страничек (все-таки ей нужно же было время, чтобы меня понять и мне ответить, мы же далеко друг от друга, Уральский хребет между нами) — и читаю:

Вот уже показались... похуже...
Весь за весью,
За весью весь.
«Что вы любите,
господи боже!
Что вы любите здесь?»
Ничего,
Только ширь засинела.
Ничего — ни вблизи,
ни вдали.
Ничего, кроме вечного
неба.
Ничего, кроме вечной
земли.

Так мы поговорили с книжной еще на некоторые темы и в общем поняли друг друга. Моя собеседница оказалась искренней, серьезной и глубокой, без всяких «дамских штучек», без ужимок и жеманства. Я нашла несколько просто превосходных стихотворений. И думала, что если и не окажется моего, мне все равно будет что перечитать у Никоновой. Кто же, думаю, расстался с такой славной книжкой? И цена-то ей всего 25 копеек... Спасибо, думаю, тому человеку, что не позволился в магазин принести. Сам начался — пусть другие прочитают. А я вижу, что кто-то хорошо книжку читал, внимательно, что-то карандашным подчеркивал, плюсики ставил. Плюсики наши, правда, не совпадают. Но ведь и это интересно: значит, и с другим читателем был у поэта контакт, значит, он возможен и спрется, и с четвертым. Разные люди находят свои стихи.

А вот и то, стихотворение, новомирское. И чужой адрес сбоку. И ему, стало быть, пришлось по ду-

ше. Почтайте-ка и вы, может быть, и вам на сердце ляжет.

Последних птиц пунктир
последний...
Мы заклинали, глядя
ввысь:
цепочка птиц во мгле
осенней,
не оборвись, не оборвись!
А там, быть может,
добрый гений
Твердил, прощально
глядя вниз:
цепочка изб во мгле
осенней,
не разомкнись,
не разомкнись...

Как много здесь любви,
печали, надежды — выслушайте? Негромко, а как серьезно...

А вот сборник стихов «Второе зрение» прочно застрял у нас на прилавке. Вышел он в «Современнике» в конце прошлого года. На обложке нет имени автора. Лирика нарисована, паруса и вроде как бы дым, что ли... Я-то знаю, что это за сборник. Это стихи слепых.

Конечно, в самой идее та-

критику такие речи не к лицу? А я вам отвечу: такие речи всем к лицу. А я — если б была во мне сила такая, если бы был такой талант — только бы одну речь и говорила все время: люди, жалейте друг друга, сострадайте друг другу, будьте милосердны... Так бы говорить, чтобы слово твое трогало души, чтобы люди и в самом деле становились добрее, милосерднее, сострадательнее — о! тогда бы надо было и всю критику бросить, и остальные дела, а этому бы только и служить...

А теперь, поскольку таланта говорить самые главные речи у меня, увы, нету, я скажу вам, что в сборнике немало хороших стихов. И более того: незрячие поэты докажут вам мир и людей так и с таких сторон, что вы будете удивлены. Они видят то, что не видно зрячим. «Дети ловят в мягкие ладошки звон соулеч светлоголубой», — пишет Людмила Грекова. Понимаете? Дети ловят

тилу я. Дело было в моем любимом магазине «Поэзия» — и столкы поэтических книг с куда более громкими именами на обложках высились вокруг. А Санина — последняя! Приятно. Нет-нет, я не обольщаюсь, не думаю, что он знаменитее знаменитых. Я думаю, что просто нас очень много, людей, прошедших через «Московский комсомолец», а стало быть, через Саню Аронова, а значит, через его школу любви к поэзии. Мы-то, ваверное, все и раскупали...

«Столетье с лишним, не вчера, а сила прежняя в соблазне в надежде славы и добра смотреть на вещи без боязни... Он объяснял нам: «Это стихотворение называется «Перечитывая дневники Пушкина», Пастернак написал его в 1931 году... Не указано? А я не знаю, почему не указано... Теперь слушайте сначала: «Столетье с лишним, не вчера...» Он читал — и смысл открывался. Он читал — и до нас доходили смыслы, ритмы.

ИЗ ДНЕВНИКА ЧИТАТЕЛЯ

СТИХА ДОЛЖНО
ХВАТИТЬ НА ВСЕХ

кой книжки есть ошибка, наверное. «Был слеп Гомер и глух Бетховен», но оба были гении. Видимо, составлять книгу надо не по принципу каких-либо физических особенностей у авторов, а по общелитературным принципам. В конце концов если ты Гомер, люди ведь могут и не знать, видишь ли ты белый свет.

Но это только одна сторона дела. А ведь есть и другая. Помните ли, что сказал Чехов, когда хотел объяснить, насколько безразлично ему будущее, насколько он бесстрашен? Он сказал: «даже слепоты не боюсь». Видимо, ничего страшнее с человеком не может случиться... Конечно, государство заботится о незрячих. Но живут они трудно. И в материальном смысле тоже.

И вообразить невозможно, каково жить и работать слепому поэту, слепому писателю... Что же это был за солнечный лучик для них — тоненький сборник «Современника» с десяти тысячным тиражом! Как много их уместилось в обложке с лирой, парусами и дымом! «Биографии авторов органически связаны с историей Родины», — пишет в предисловии составитель Михаил Никифорович Зубков, кандидат филологических наук. — Здесь и участники великих строек, и ветераны Великой Отечественной войны. Здесь и такие, кто не был на фронте, но война их все-таки настигла. Мальчишки находили патроны, гранаты...»

Добавлю, что и не только война — опыты в химических кабинетах, дерзкие мальчишечьи забавы, болезни... Мало ли горя на земле. Если так — что же, они разве не наши дети, разве мы их меньше жалеем?

Сборничек пылится на полке. «Мы разучились ничем подавать? Да, и такая мысль есть у меня: тридцать-то копеек за книжку отдай — людей-то поддержишь... Вы кривитесь в усмешке? Вы думаете, что

звон... «Я слышу, как пьет журавль деревянный извечный студеную воду колодца», — пишет Аркадий Авдеев. «Мне в окошко дождя постучала тоска», — пишет Андрей Золотарев... Не буду больше цитировать: в книжке порядочно хороших строк, строф и даже целых стихотворений. Куда больше, чем в иных отличных изданных сборниках с громкими именами на обложке. Но в книжке есть и одно просто превосходное стихотворение, какое-то прямо не красовское. Его написал Павел Михалев. В нем 28 строк. Я приведу его целиком, но придется, попросив у автора прощения, из-за экономии места сломать поэтическую строку: «Я родился в деревне, в лесной стороне, под глухие орудий раскаты. И трех лет еще от роду не было мне, а мон отгорели закаты. Я ослеп, навсегда погрузился во тьму, — не раздвинешь ее, не развеешь. Никому ты не нужен такой, никому. Как слепой-то прожить ты сумеешь? Не погиб бы отец... Что теперь без отца? Побираться по людям с сумою? Вот что слушал я в детстве тогда без конца, плача горько недетской слезою. Утешала лишь тетка: «Ты знай об одном, на земле есть для всякого место. Ничего, проживешь, не один, так вдвоем, чай, найдется кривая невеста. Вон Егор Березиков в Кривотыне живет, и женатый, и двое детишек. Вьет веревки, корзины колхозу плетет, лепит разных собачек и мишек. Так и зрячему, прямо скажу, не слепить, поучись-ка еще у Егора. Значит, мил человек, и слепой может жить, есть свой хлеб трудовой без укора». Сколько лет, сколько зим миновало с тех пор. У меня и жена — не молодка... Но спасибо тебе, кривотынский Егор, и тебе, моя мудрая тетка...»

«Это последняя», — сказала продавщица, подавая мне книжку Александра Аронова «Островок безопасности». «Тем более», — ответила я.

Татьяна ИВАНОВА.

рифмы. Почти четверть века назад — книги для нас только начали выходить, а за многими надо было идти в Ленинку, они выходят только теперь. С ним — на вечера поэзии в Политехнический и в Лузники, а потому в собственной редакции или у кого-нибудь дома еще наш собственный вечер поэзии — Аронов читает нам лучших поэтов.

И, конечно, мы цени его песни. «Когда у вас нет собаки», «Закончилась Троянская война» — множество было песен. А вот книжки — книжки все не было у Александра Аронова. Почему? Не знаю! Та, что теперь у меня в руках, показывает и истинный вкус, и замечательную чуткость, и чувствительные меры. Здесь множество стихов, с которыми просто невозможно расстаться, так они хороши. Впрочем, может быть, я пристрастна, не надо мне писать о человеке, с которым связаны лучшие годы жизни. Тут не до объективности, верно? Я только приведу несколько строк из книги Александра Аронова — потому что они имеют самое непосредственное отношение ко всему, о чем я рассказывала вам сегодня. И даже подводят сказанному итог — самым наилучшим образом:

Давайте поровну поделим
Весь этот глупый
наш успех.
Мы все уйдем, молва
не лжива.
Ну, а пока —
мы с вами живы,
Ну, а пока мы с вами
живы,
Стиха должно хватить
на всех.

Именно к тому я и вела, когда говорила, что иной раз из-за одного стихотворения, а то и четверостишия все открываешь книгу и открываешь, годы проходят, а ты все открываешь. Потому что ни в какой самой великой книге такого стихотворения нет, а вот в этой, тобою найденной, есть...

Татьяна ИВАНОВА.

ЯЗЫК ПОЭЗИИ
И ПОЭЗИЯ ЯЗЫКА

СЛОВАРЬ
ДРЕВНЕ-
РУССКОГО
ЯЗЫКА

В издательстве «Русский язык» готовится к печати «Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)». Его составлением занимается отдел истории языка Института русского языка АН СССР. Разработка теоретических основ словаря принадлежит члену-корреспонденту АН СССР Р. И. Аванесову (1902—1982).

Среди источников словаря можно назвать «Повесть временных лет» (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам), «Хронику Георгия Амартола» — всемирную историю, написанную в Византии в VIII в. монахом Георгием, древнерусскую «Пчелу» — сборник коротких остроумных и поучительных рассказов. Широко представлены в словаре и примеры из берестяных грамот.

Составителям словаря удалось выявить у ряда слов новые, ранее не отмечаемые значения. Так, например, зафиксировано слово «бъдра», датируемое 1296 г., со значением «узда, вожжи». Интересны примеры слов, которые в современном русском языке имеют другие значения: варенье обозначало в древнерусском языке пищу, приготовленную на огне; укропом называлась горячая (или теплая) вода, отвар. Слово «стопан» имело значение «след», которое в современном русском языке сохранилось в сочетании «идти по стопам».

При каждом слове указывается количество употреблений, а при словах с малой частотностью дается исчерпывающее количество примеров. Общий объем словаря — более 30 тысяч слов.

В издании найдут отражение факты языка, относящиеся к различным сферам жизни древнерусской народности древнерусского государства.

«Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)» будет издан в 10 томах в течение 1988 — 1997 годов с периодичностью 1 том в год и может оказать существенное влияние на изучение истории восточнославянских языков и древнерусской культуры в целом. При этом в руки историков культуры поступает огромный материал для научного решения ставшей особенно актуальной в последнее время проблемы происхождения и развития русского литературного языка.

Условия подписки: ориентировочная цена всего издания 42 руб. При подписке вносится задаток 3 руб., который засчитывается при получении последнего тома.

Подписка принимается книжными магазинами, распространяющими подписные издания.

Л. ВЯКИНА,
ст. научный сотрудник
Института русского языка
АН СССР.

В ГОСКОМИЗДАТЕ
СССР

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Л. ОВАЛОВА

Коллегия Госкомиздата СССР по предложению издательства «Молодая гвардия» приняла решение выпустить в 1987—1988 годах собрание сочинений Л. Овалова в трех томах тиражом 100 тысяч экземпляров.